

ЧЕРТЫ ИЗЪ ЖИЗНИ И ЦАРСТВОВАНІЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I.

Турецкая кампанія 1828 года.

XVII (*).

Переходъ русскихъ войскъ чрезъ Прутъ.—Прибытіе императора подъ Браиловъ.—
Болѣзнь государя и отъѣздъ въ Одессу.

25-го апрѣля 1828 года, въ пять часовъ утра, первыя колонны дѣйствующей арміи, послѣ молебствія, отслуженнаго въ лагерь каждой бригады, и послѣ выслушанія высочайшаго приказа, отданнаго по войскамъ, тронулись въ путь и перешли Прутъ по тремъ мостамъ, наведеннымъ въ Скулянахъ, въ Фальчи и въ Вадолой-Исаки. Вступленію нашихъ войскъ въ княжества предшествовало обнародованіе тамъ прокламаціи, распространенной повсюду въ большомъ числѣ экземпляровъ, изъ которыхъ одни были на русскомъ, другіе на молдаванскомъ языкѣ. Прокламація произвела самое благопріятное дѣйствіе на жителей: она излагала причины и цѣль войны, которую Россія вынуждена была начать занятіемъ дунайскихъ княжествъ.

По переходѣ черезъ Прутъ, колонны направились форсированными маршами къ назначеннымъ для занятія городамъ: правая, подъ начальствомъ генераль-лейтенанта барона Крейца, къ Яссамъ; колонна средняя къ Максимени и къ Бухаресту, куда авангардъ 6-го корпуса, подъ командою генераль-маіора барона Гейсмара, вступилъ прежде чѣмъ турецкіе эмисары успѣли сжечь этотъ главный городъ Валахія. Лѣвая колонна

(*). См. „Военный Сборникъ“ 1867 г. №№ 10—12 и 1868 г. №№ 1, 3—6.

(седьмой корпусъ), при которой находился фельдмаршалъ, двинулась быстро къ Браилову, приведенному турками въ состояніе выдержать продолжительную осаду (*).

Въ самый день водворенія русской администраціи въ Бухарестъ и черезъ пять дней послѣ вступленія русскихъ войскъ въ княжество, валахскій диванъ подписалъ адресъ императору Николаю Павловичу слѣдующаго содержанія: „Государь, всѣ преграды, мѣшавшія нашему благоденствію, падаютъ предъ вашимъ высокимъ покровительствомъ. Ваша могущественная рука не допуститъ впредь распоряжаться произвольно нашими судьбами, поставленными отнынѣ подъ защиту вашего императорскаго величества. Вы, государь, упрочите за нами благо самобытнаго существованія, охраните законы, обычаи нашихъ предковъ, нашу собственность и святѣйшее изъ всѣхъ правъ— право исповѣдуемой нами вѣры. Августѣйшее имя вашего императорскаго величества, какъ благодѣтеля страждущаго человечества, будетъ начертано на скрижаляхъ исторіи столько же яркими, сколько безсмертными письменами“.

Отвѣтъ императора, еще не пріѣхавшаго въ княжество, былъ полученъ спустя слишкомъ мѣсяцъ. Вице-канцлеръ графъ Нессельроде извѣстилъ, 28-го мая (9-го іюня), изъ лагеря подъ Сатуновомъ, валахскій диванъ, что государь императоръ, гарантируя валахамъ ненарушимость ихъ привилегій, мирное пользованіе всѣми правами подъ защитою законовъ, никогда не помышлялъ о распространеніи своихъ владѣній въ ущербъ прилегающихъ къ имперіи областей. „Судьбы ваши предохранены отъ всякихъ завоевательныхъ замысловъ“, говорилъ въ заключеніе вице-канцлеръ, опровергая тѣмъ распущенные въ западной Европѣ слухи о присоединеніи дунайскихъ княжествъ къ Россіи.

Путешествіе его величества сопровождалось такими затрудненіями, какихъ прежде никогда не случалось преодолевать государю со времени его вступленія на престолъ. Отъ продолжительной оттепели и дождей дороги сдѣлались нигуда негодными, и часто случалось, что коляска, въ которой императоръ сидѣлъ одинъ съ генераломъ Бенкендорфомъ, буквально увязала въ грязи и не могла быть вытащена восемью лошадьми. Не разъ государь принужденъ бывалъ переѣзжать трудныя мѣста верхомъ, и не разъ, переправляясь чрезъ стремительныя,

(*) Браиловъ былъ обложенъ 29-го апрѣля.

выступившія изъ береговъ рѣки, подвергался серьезной опасности. На пути попадались безпрестанно огромные обозы съ продовольственными и военными запасами, и императоръ остался очень доволенъ какъ числомъ ихъ, такъ и порядкомъ слѣдованія. Онъ встрѣчалъ также части войскъ, направлявшіяся, съ различныхъ концовъ имперіи, на усиленіе дѣйствующей арміи, и милостиво отвѣчалъ на привѣтствіе солдатъ.

3-го мая императоръ достигъ Елисаветграда и былъ встрѣченъ здѣсь радостными толпами народа, собравшимися изъ окрестностей. Дождь лилъ какъ изъ ведра, но никто не обращалъ на него вниманія. Войска третьяго резервнаго кавалерійскаго корпуса (двѣ дивизіи кирасировъ и одна улановъ, съ артилеріей) давно ожидали прибытія государя. Лишь только его величество пріѣхалъ смотрѣть ихъ, дождь пересталъ, проглянуло солнце, и съ этого же дня погода установилась.

4-го мая, въ Вознесенскѣ, императоръ смотрѣлъ другія резервныя дивизіи, конскіе заводы, казармы и арсеналы; затѣмъ, на пути къ Тирасполю и къ Бендерамъ, проѣзжая чрезъ бѣдныя деревни болгарскихъ переселенцевъ, его величество нѣсколько разъ выходилъ изъ коляски, ласково разговаривалъ со своими новыми подданными, входилъ даже въ избы и благодарилъ хозяевъ за радушный пріемъ. Дальше по пути государь посѣщалъ богатые и цвѣтуція селенія нѣмецкихъ колонистовъ, и, послѣ ночлега въ Тирасполѣ, произвелъ здѣсь большой смотръ и съ особенною внимательностію осмотрѣлъ госпитали, приготовленные для принятія тысячи больныхъ. Въ Тирасполѣ же его величество освѣдомлялся объ опасеніяхъ по поводу чумы, обнаружившейся, какъ тогда говорили, на островахъ Гидрѣ и Спеціи, и съ удовольствіемъ узналъ, что новороссійскій генералъ-губернаторъ уже принялъ строгія санитарныя мѣры во всѣхъ черноморскихъ портахъ.

Такъ какъ императрица Александра Θεодоровна, слѣдовавшая по тудчинской дорогѣ, должна была увидѣться съ августѣйшимъ супругомъ своимъ въ Бендерахъ, то государь, имѣя впереди еще слишкомъ недѣлю, отправился въ блокадный лагерь подъ Браиловымъ, куда незадолго передъ тѣмъ прибылъ великій князь Михаилъ.

7-го (19-го) мая, въ полдень, императоръ Николай Павловичъ переѣхалъ границу своего царства въ Вадолои-Исаки по главному мосту, наведенному чрезъ Прутъ для перехода арміи.

Онъ не пожелалъ быть сопровождаемъ конвоемъ казачьихъ полковъ гвардейскаго и атаманскаго, расположенныхъ по всему пути до Браилова, но взялъ лишь нѣсколько молдаванскихъ всадниковъ, скакавшихъ передъ его коляскою.

Въ глубокую ночь достигъ его величество небольшого загороднаго дома, принадлежавшаго браиловскому папѣ и находившагося почти въ центрѣ блокаднаго лагеря, и былъ встрѣченъ на крыльцѣ великимъ княземъ Михайломъ, фельдмаршаломъ графомъ Витгенштейномъ, начальникомъ штаба второй арміи, генераломъ Киселевымъ, всѣми штабными чинами и командиромъ седьмаго корпуса, генераломъ Воиновымъ. Эта встрѣча, среди ночнаго мрака, освѣщалась огнемъ крѣпости, откуда, время отъ времени, бомбы и ядра посылались наудачу, по осаднымъ работамъ. Артилерія осаждающихъ не отвѣчала на безвредные выстрѣлы осажденныхъ.

На другой день, рано утромъ, войска, незнавшія еще о пріѣздѣ государя, были столько же удивлены, сколько обрадованы, когда явился передъ ними императоръ, въ сопровожденіи великаго князя, фельдмаршала и графа Дибича. Поздоровавшись съ солдатами, его величество сказалъ:

— Ребята, я обѣщаль пріѣхать къ вамъ, и сдержаль свое слово. Постараемся же исполнить нашъ долгъ, какъ того требуютъ святая вѣра и любовь къ отечеству.

Въ первый разъ императоръ Николай Павловичъ прибылъ раздѣлять съ войсками труды и опасности войны, и въ первый же разъ со временъ Петра Великаго русскій царь ступаль на отоманскую землю.

Оглушительные крики „ура!“ которыми войска привѣтствовали своего монарха, конечно, были слышны въ осажденномъ городѣ, потому что въ эту минуту батареи смогли, какъ будто турки были поражены недоумѣніемъ и изумленіемъ. Государь, сопровождаемый великимъ княземъ, фельдмаршаломъ и начальникомъ своего штаба, объѣхаль верхомъ аванпосты и осмотрѣль работы, начатыя на правомъ и лѣвомъ флангахъ блокадной линіи. Во все время объѣзда, пушки крѣпости продолжали безмолвствовать. Съ высоты холма, названнаго съ тѣхъ поръ „холмомъ императора“, его величество осмотрѣль положеніе Браилова и указаль великому князю на тѣ пункты, куда слѣдовало направить атаку противъ крѣпости, поддерживаемой турецкою флотиліей, которая, подъ покровительствомъ

мачинскаго замка, владѣла Дунаемъ. По возвращеніи императора въ лагерь, канонада съ валовъ Браилова возобновилась съ большею, противъ прежняго, живостію.

Нѣсколько турецкихъ плѣнныхъ, захваченныхъ при вылазкахъ гарнизона, государь приказалъ отослать къ коменданту крѣпости, одѣлить ихъ деньгами и передъ отправкою велѣлъ представить ихъ себѣ. Можно вообразить себѣ изумленіе турокъ при видѣ *московъ-надшаха*, который не только освободилъ ихъ, но и наградилъ щедро.

Въ ночь съ 8-го на 9-е мая его величество почувствовалъ себя внезапно нездоровымъ и вскорѣ ощутилъ жестокой припадокъ лихорадки. Врачи, устрешенные симптомами болѣзни, думали видѣть въ ней одну изъ тѣхъ эндемическихъ лихорадокъ, столь частыхъ въ этой болотистой мѣстности, которая, если не оканчиваются смертію, то навсегда разстраиваютъ самые крѣпкіе организмы. Быстро разнеслась по лагерю вѣсть о нездоровьѣ государя, и, не видя его утромъ, всѣ пришли къ заключенію, что болѣзнь серьезна. Два дня продолжалось тягостное недоумѣніе. Самъ императоръ считалъ себя въ опасности, потому что строго запретилъ извѣщать императрицу. Въ свободные отъ бреда промежутки, его величество не одинъ разъ повторялъ: — „Главное, чтобъ императрица ничего не знала. Она встревожится“.

Крѣпкое сложеніе августѣйшаго больнаго и добрый запасъ здоровья, которымъ императоръ Николай Павловичъ былъ обязанъ своему воздержному и правильному образу жизни, восторжествовали надъ недугомъ, бывшимъ, къ счастью, только слѣдствіемъ утомительнаго путешествія. Болѣзнь прекратилась разомъ. Утромъ 11-го мая обрадованная войска увидѣли государя: лице его еще носило слѣды перенесенныхъ страданій, но онъ старался скрыть свою слабость, сѣлъ на коня и поѣхалъ осматривать осадныя работы, въ сопровожденіи лишь одного флигель-адъютанта.

Прежде всего императоръ направился къ той возвышенности, откуда, за два дня, осматривалъ блокированную крѣпость; потомъ спустился къ 18-й пѣхотной дивизіи, расположеніе которой упиралось въ Дунай. Егеря, образовавшіе первую линію, выстроились передъ своими палатками для встрѣчи его величества. Вправо отъ егерской бригады, начальники частей собрали всѣхъ своихъ людей, особенно отличившихся въ аванпостныхъ

дѣлахъ. Государь пожаловалъ имъ знаки военнаго ордена, и, обратясь къ самому старому изъ солдатъ, уже украшенному тремя медалями, собственноручно прикрѣпилъ ему георгиевскій крестъ и поцѣловалъ ветерана. Отсюда императоръ поѣхалъ въ лагерь уланской дивизіи, и здѣсь такимъ же образомъ отличилъ двухъ улановъ, захватившихъ, при вылазкѣ, двухъ офицеровъ непріятельской кавалеріи.

Траншейныя работы подвигались впередъ медленно, потому что матеріалы для фашинъ и туровъ надлежало привозить издалека; однако на крайнемъ правомъ флангѣ позиціи осаждающихъ скоро успѣли заложить большую батарею, которая, впрочемъ, могла быть кончена не прежде какъ черезъ двадцать четыре часа и даже черезъ полторы сутокъ. Чтобы отвлечь вниманіе осажденныхъ, на лѣвомъ флангѣ открыта была довольно сильная канонада, продолжавшаяся всю ночь.

На разсвѣтъ, императоръ, чувствовавшій себя лучше, поѣхалъ верхомъ къ большой батарее, которую предполагалось кончить въ слѣдующую ночь. Онъ былъ замѣченъ и узнавъ съ валовъ крѣпости, и турецкіе канониры послали нѣсколько ядеръ, пролетѣвшихъ надъ головою его величества. Затѣмъ государь еще разъ посѣтилъ лагерь уланской дивизіи, чтобы посмотреть раненыхъ, упрекая себя въ забывчивости исполнить это наканунѣ: ихъ оказалось до шестидесяти человѣкъ. Великій князь Михаилъ представилъ одного изъ нихъ, разжалованнаго въ рядовые офицера, который оказалъ въ дѣлѣ необыкновенную неустрашимость и лишился ноги. Возвративъ молодому человѣку офицерскій чинъ и пожаловавъ ему Георгіа, императоръ сказалъ:

— Вы вели себя какъ дворянинъ, для котораго честь выше всего: я увѣдомлю вашего отца о томъ, что вы достойнымъ образомъ загладили свой проступокъ.

При первыхъ проблескахъ утренней зари, императоръ и великій князь, окруженные многочисленною свитою, пошли пѣшкомъ къ аванпостамъ крайняго лѣваго фланга, чтобы видѣть дѣйствіе мортиръ, обстрѣливавшихъ крѣпость два дня и двѣ ночи. Вдругъ огонь на валахъ Браилова прекратился и изъ города показалась группа турокъ, предшествуемая бѣлымъ значкомъ. Это былъ парламентаръ, высланный комендантомъ благодарить его величество за освобожденіе военнопленныхъ. Императоръ приказалъ выдать парламентару денегъ и поручилъ

ему сообщить пашѣ, что послѣдній срокъ, данный для капитуляціи, истекаетъ завтра, въ три часа утра, и что если, въ теченіе этого времени, комендантъ не приметъ предложенныхъ почетныхъ условій, то по взятіи крѣпости соблюдены будутъ въ точности всѣ законы войны.... Въ эту самую минуту, большая батарея, построенная противъ оконечности праваго непріятельскаго фланга, была демаскирована и открыла сильный огонь по находившемуся насупротивъ ея бастиону. При громѣ канонады, государь и свита поспѣшили къ батарее и поднялись на ближайшую возвышенность. Двадцать четыре орудія, дѣйствовавшія непрерывно, заставили замолчать обстрѣливаемый бастионъ. Вскорѣ за тѣмъ, осажденные обратили орудія самаго большаго калибра противъ той возвышенности, гдѣ помѣстился императоръ со свитою. Многія ядра рикошетировали у подошвы холма и убили нѣсколько генеральскихъ и офицерскихъ лошадей. Всѣ присутствовавшіе умоляли его величество оставить опасный постъ, служившій непріятелю мишенью; государь не тронулся съ мѣста до тѣхъ поръ, пока батарея не принудила турокъ прекратить огонь.

Такъ какъ по истеченіи назначеннаго срока браиловскій паша не сдался, то, предоставивъ правильную осаду крѣпости великому князю, императоръ выѣхалъ изъ блокаднаго лагеря, утромъ 13-го мая, на встрѣчу императрицѣ, съ которою условился видѣться въ Бендерахъ. Дорогою государь получилъ отъ измаильскаго коменданта депешу, извѣщавшую, что кошевой атаманъ запорожскихъ казаковъ просить дозволенія возвратиться въ предѣлы Россіи. Запорожцы возимѣли это намѣреніе еще въ то время, когда война съ Оттоманскою Портою казалась неминуемой, и потому постепенно стали приближаться къ русской границѣ, сосредоточиваясь преимущественно въ Добруджѣ. Турецкое правительство, не имѣя возможности остановить силою медленное и скрытное движеніе казаковъ, но въ то же время желая удержать ихъ въ Турціи, распустило слухъ, будто всѣ оттоманскія войска соберутся вокругъ городовъ Бабадага, Мачина и Исаки и образуютъ укрѣпленную линію, способную преградить вторженіе русской арміи. Однако прежде чѣмъ восемь тысячъ турокъ собрались на этой оборонительной линіи, запорожцы уже начали переправляться за Прутъ, кто въ лодкахъ, кто вплавь, и являлись въ наши пограничныя карантинны. Примѣру запорожскихъ казаковъ хотѣли послѣдовать и

некрасовцы; но запуганные турецкими властями на счетъ горькой участи, будто бы ожидавшей ихъ въ Россіи, они приостановились выселеніемъ.

Въ это же время императоръ получилъ извѣстіе объ открытіи военныхъ дѣйствій въ Азіатской Турціи морскою экспедиціей противъ крѣпости Анапы, которая уже три раза была въ рукахъ Россіи и три раза возвращалась Турціи при заключеніи мира. При настоящихъ обстоятельствахъ, эта крѣпость становилась безусловно-необходимымъ пунктомъ для безопасности нашего владычества на Кавказѣ. Въ рукахъ турокъ, Анапа была разбойничьимъ притономъ: сюда горцы являлись со своею хищническою добычею; здѣсь продавали они плѣнныхъ въ неволю; здѣсь сосредоточивалась главная торговля черкешенками, назначенными для наполненія харемовъ; здѣсь турки набирали себѣ солдатъ; наконецъ сюда кавказскіе горцы приходили запасаться порохомъ, пулями и оружіемъ. Вотъ почему императоръ Николай Павловичъ желалъ, чтобы взятіе Анапы было однимъ изъ первыхъ чувствительныхъ ударовъ, нанесенныхъ Турціи. Государь сознавалъ всѣ трудности осады этой крѣпости пятью или шестью тысячами пѣхоты и одновременной борьбы съ ея многочисленнымъ гарнизономъ и съ полевой арміей, часто имѣвшей отъ четырехъ до пяти тысячъ отличной конницы; но тѣмъ съ большимъ нетерпѣніемъ ожидалъ открытія блистательнымъ подвигомъ дѣйствій отдѣльнаго кавказскаго корпуса, съ которымъ графъ Паскевичъ готовился вступить въ Азіатскую Турцію.

Достигнувъ границы своего царства, императоръ исполнилъ всѣ тѣ карантинныя правила, которымъ должны были подвергаться пріѣзжавшіе изъ предѣловъ Турціи. Въ Вадолои-Исаки онъ вышелъ изъ коляски, засвидѣтельствовалъ въ карантинѣ, что прибылъ изъ мѣстности, гдѣ чумы не существовало, и изъявилъ непремѣнную волю подвергнуться обычному окуриванію. Затѣмъ его величество отправился въ Бендеры, куда императрица пріѣхала еще утромъ. Хотя государь былъ блѣденъ и на лицѣ его отражались явные слѣды недавняго тяжелаго недуга, однако онъ чувствовалъ себя на столько здоровымъ, что, вскорѣ по своемъ пріѣздѣ, могъ дать аудіенцію герцогу Мортемару, французскому посланнику, присланному тюльерійскимъ кабинетомъ слѣдить на мѣстѣ за ходомъ политическихъ событій и узнать дѣйствительную цѣль предпринятой противъ Турціи

войны. Мортемару поручено было не возвращаться въ Петербургъ до тѣхъ поръ, пока императоръ будетъ въ дѣйствующей арміи.... Порученіе, по истинѣ, весьма странное! Представитель иноземнаго государства является на театръ войны какъ бы въ качествѣ соглядатая, подъ предлогомъ улучшить минуту, когда ему можно будетъ принять на себя роль примирителя двухъ воюющихъ сторонъ!.... Императоръ Николай Павловичъ имѣлъ бы полное право оскорбиться подобнымъ дипломатическимъ шпіонствомъ и въ особенности недовѣріемъ своихъ союзниковъ, потому что и другіе европейскіе дворы хотѣли отправить своихъ посланниковъ въ главную квартиру; но его величество благосклонно принялъ представителя Франціи и поблагодарилъ герцога Мортемара за то, что онъ предпринялъ столь далекій путь съ цѣлю остаться въ Одессѣ на все время пребыванія тамъ императрицы.

— „Вы доказали этимъ, герцогъ, старинную французскую вѣжливость“, прибавилъ императоръ. „Надѣюсь не разъ видѣться съ вами въ Одессѣ, куда я буду пріѣзжать, лишь только позволять обстоятельства войны.“

Въ тотъ же вечеръ ихъ величества отправились въ Одессу, гдѣ давно были ожидаемы и гдѣ уже носились зловѣщіе слухи о появленіи чумы въ лагерьъ подъ Браиловымъ. 15-го мая, въ пятомъ часу пополудни, императорскій экипажъ вѣхалъ въ тираспольскую заставу.

Несмѣтныя толпы народа всѣхъ націй и всѣхъ сословій устремились на встрѣчу желаннымъ гостямъ; улицы были переполнены зрителями; въ окнахъ, на балконахъ, даже на крышахъ, повсюду видѣлся народъ, и нескончаемыя радостныя восклицанія сопровождали ихъ величества до дома графа Воронцова. Между тѣмъ, съ военныхъ судовъ, стоявшихъ въ портѣ, раздавались салютаціонные выстрѣлы и гремѣло „ура“ матросовъ. Когда же императоръ вышелъ на балконъ и показался народу, радостные крики слились въ одинъ оглушительный гулъ.... Старожилы припоминали при этомъ, что, одиннадцать или двѣнадцать лѣтъ назадъ, они встрѣчали въ Одессѣ великаго князя Николая Павловича.... Вечеромъ весь городъ и всѣ суда, русскія и иностранныя, были иллюминированы и до самой поздней ночи народъ толпился на улицахъ.

Его величество остался очень доволенъ симпатическимъ приѣмомъ со стороны жителей Одессы, и призналъ возможнымъ

отложить до времени приведеніе въ дѣйствіе мѣры, которая нанесла бы ущербъ ихъ торговымъ интересамъ, но которая являлась необходимою по тогдашнимъ обстоятельствамъ: вывозъ хлѣба изъ Одессы и изъ другихъ черноморскихъ портовъ еще не былъ воспрещенъ. Къ сожалѣнію, множество мелкихъ судовъ подъ нейтральнымъ флагомъ, преимущественно подъ греческимъ, приходили въ русскіе порты за грузами хлѣба, будто бы назначенными въ Италію, во Францію и въ Испанію, но перевозимыми прямо въ Бургасъ или въ Константинополь для продажи туркамъ. Это злоупотребленіе было, по возможности, умѣряемо строгимъ соблюденіемъ таможенныхъ правилъ, ибо торговля Одессы пострадала бы много, если бы указъ, уже подписанный, какъ тогда говорили, воспретилъ безусловно вывозъ хлѣба на все время военныхъ дѣйствій. Покамѣстъ государь приказалъ сдѣлать на одесскомъ рынкѣ громадныя закупки зерноваго хлѣба для продовольствованія арміи.

XVII.

Возвращеніе императора въ дѣйствующую армію.—Переправа черезъ Дунай.—Запорожскіе казаки.—Сдача крѣпости Исакія.

Императоръ Николай Павловичъ пробылъ въ Одессѣ два дня, и въ ночь на 18-е мая выѣхалъ въ Измаилъ. Осмотрѣвъ во всей подробности собранные здѣсь военные запасы, его величество посѣтилъ зданія карантина, гдѣ помѣщались отъ 1,200 до 1,500 запорожцевъ, желавшихъ вмѣстѣ со своимъ атаманомъ возвратиться въ Россію. Лишь только вошелъ государь, казаки пали ницъ, крестясь и читая молитвы. Его величество приказалъ имъ встать и выстроиться въ линію. Это были, большею частію, красивые и видные люди въ старинной казачьей одеждѣ и въ старинномъ вооруженіи, котораго у нихъ не отняли. Императоръ собственноручно пожаловалъ атаману Гладкому медаль со своимъ портретомъ и сказалъ ему и казакамъ нѣсколько милостивыхъ словъ. Восторженные запорожцы, обнаживъ сабли, торжественно поклонились служить вѣрою и правдою царю православному противъ невѣрныхъ.

Предъ отъѣздомъ изъ Измаила, государь осмотрѣлъ новые крѣпостные верки и флотилію, которая, вмѣстѣ съ лодками запорожскихъ казаковъ, предназначалась для охраненія мостовъ, наведенныхъ чрезъ Дунай.

Извѣстія, полученныя здѣсь императоромъ изъ-подъ Анапы и изъ-подъ Браилова, были удовлетворительны. Князь Меншиковъ, предпринявъ правильную осаду Анапы, уже пресѣкъ, посредствомъ подвижной колонны, всякое сообщеніе между крѣпостію и черкесами, а эскадра вице-адмирала Грейга, блокировавшая Анапу, захватывала суда, приходившія съ подкрѣпленіями или съ военными снарядами. Подъ Браиловымъ осадныя работы подвигались впередъ быстро подъ наблюденіемъ великаго князя Михаила, который, кромѣ того, часто ѣздилъ къ Исакъчу, гдѣ должна была совершиться переправа черезъ Дунай, и всегда, при этихъ поѣздкахъ, былъ сопровождаемъ графомъ Дибичемъ, отдававшимъ, въ отсутствіе его величества, всѣ приказанія и инструкціи.

Государь, намѣреваясь лично присутствовать при переходѣ арміи черезъ Дунай, ожидалъ только окончанія предпринятыхъ для того работъ, которыя были замедлены необыкновеннымъ разлитіемъ рѣки. Огромная плотина, сооруженіе истинно колосальное, была построена, на протяженіи четырехъ верстъ, чрезъ болота, и, кромѣ того, заложенъ былъ тетъ-депонъ на наиболѣе удобномъ для переправы войскъ мѣстѣ. Но и турки также воспользовались разливомъ Дуная: они построили ретраншаменты на правомъ берегу рѣки, который представлялъ рядъ лѣсистыхъ высотъ, господствовавшихъ надъ противоположнымъ берегомъ, гдѣ болотистая почва не сдерживала артилеріи, тогда какъ на турецкомъ берегу три батареи обезпечивали за непріателемъ почти неприступную позицію, опиравшуюся слѣва на укрѣпленный городъ Исакчу, справа на непроходимыя болота.

Несмотря на разливъ Дуная, работы не прекращались: плотина, укрѣпленная на сваяхъ, примыкала къ земляному валу, за которымъ должны были собираться назначенныя къ переправѣ войска, не подвергаясь дѣйствию турецкихъ батарей. Немного вреда причиняли эти батареи и нашимъ саперамъ, которые, укрываясь въ камышахъ и стоя иногда по шею въ болотной водѣ, работали день и ночь. Понтоны и большія барки, приготовленныя для наведенія судового моста, ожидали, въ устьѣ дунайскаго притока, приказанія войти въ самый Дунай; флотилія и лодки запорожцевъ стояли на якорѣ близъ Измаила, и отсюда, по требованію, могли подняться по

рѣкъ и начать переправу первыхъ взводовъ пѣхоты подъ пушками Исакчи.

Не напрасными оказались расчеты на полезное содѣйствіе запорожскихъ казаковъ при предстоявшей переправѣ арміи. Не говоря уже о ихъ испытанномъ мужествѣ, о ихъ рѣдкомъ безстрашіи, запорожцы, издавна занимавшіеся каботажнымъ судоходствомъ въ устьѣ Дуная, съ удивительною ловкостію управляли своими длинными и легкими ладьями. Честь возвращенія этихъ людей подъ знамена Россіи принадлежала генералу Тучкову, коменданту Измаила, имѣвшему случай познакомиться съ атаманомъ Гладкимъ, человѣкомъ чрезвычайно умнымъ. Турецкое правительство, оцѣнивая вліяніе Гладкаго на казаковъ, ласкало его, возвысило на степень паши, и много надѣялось на услуги запорожцевъ въ этой войнѣ, готовясь употребить ихъ при оборонѣ Силистріи.

19-го мая императоръ отправился изъ Измаила въ Болградъ, гдѣ была главная квартира третьяго пѣхотнаго корпуса генерала Рудзевича. Лагерь войскъ этого корпуса раскинулся, недалеко отъ Болграда, вдоль озера Ялпука, на возвышенности, которая, постепенно понижаясь къ мѣстечку, представляла обширное открытое пространство для военныхъ упражненій. Здѣсь было сосредоточено болѣе пятидесяти тысячъ человѣкъ, размѣщенныхъ по порядку дивизій, да кромѣ того собралось множество маркитантовъ, торговцевъ и всякаго рода мастеровыхъ и рабочихъ, нахлынувшихъ изъ всѣхъ странъ, такъ что лагерь при Сатуновѣ казался, въ продолженіе дня, самымъ оживленнымъ и населеннымъ городомъ. Высшій полицейскій надзоръ за лагеремъ имѣлъ генералъ-лейтенантъ Бенкендорфъ, какъ шефъ жандармовъ и командующій императорскою главною квартирой. Благодаря его неутомимой заботливости, примѣрный порядокъ не переставалъ господствовать посреди этого подвижнаго и космополитнаго населенія, слѣдовавшаго за войсками.

Герцогъ Мортемаръ, французскій посоль, генералъ-лейтенантъ Дорнбергъ, ганноверскій посланникъ, графъ Тунъ, прусскій посланникъ, и многіе другіе офиціозные представители иноземныхъ дворовъ сопровождали его величество до Болграда, чтобы присутствовать при большомъ смотрѣ, назначенномъ здѣсь передъ переправою черезъ Дунай.

Этотъ блистательный смотръ былъ произведенъ 21-го мая.

Седьмая, восьмая и десятая пѣхотныя дивизіи, съ пѣшей артилеріей, и пятая гусарская дивизія, съ конной артилеріей, проходили передъ императоромъ въ превосходномъ порядкѣ и видѣ. Вечеромъ 26-го мая государь поѣхалъ къ самому мѣсту переправы. Тамъ уже собрались двѣ дивизіи корпуса Рудзевича; бригада егерей, посаженная на купеческія суда, нанятая на этотъ случай, поднялась по Дунаю безпрепятственно и присоединилась къ дивизіямъ третьяго корпуса. Его величество, осмотрѣвъ ихъ, произнесъ нѣсколько ободрительныхъ словъ, лично отдалъ приказанія на завтрашній день (27-го мая) и сказалъ начальнику штаба второй арміи, генералу Киселеву, что надѣется на него относительно успѣшной, и соединенной съ возможно-меньшею потерей войскъ, переправы.

Вода въ Дунаѣ стояла все еще очень высоко и теченіе было чрезвычайно быстрое. Турки, повидимому, не предполагали; чтобы русскіе осмѣлились переправиться чрезъ бурную рѣку какимъ бы то ни было способомъ. Ихъ батареи перестали даже стрѣлять. Между тѣмъ четыре донскихъ казака вызвались высмотрѣть на противоположномъ берегу наиболѣе удобное для высадки мѣсто, отважно бросились въ небольшую лодку и дружно стали работать веслами, борясь съ быстрымъ теченіемъ. Смѣльчаки не воротились; полагали, что или ихъ утлая ладья опрокинулась, или они были убиты, или же взяты въ плѣнъ, когда вышли на берегъ.

Войска, въ ожиданіи переправы стоявшія подъ ружьемъ всю ночь, знали, что на разсвѣтѣ начнется дѣло. Императоръ поѣхалъ прежде въ лагерь полковъ Черниговскаго и Полтавскаго, выслушалъ молебень, отслуженный передъ фронтомъ этихъ полковъ, отсюда отправился на высоту, отъ подошвы которой шла плотина къ Дунаю, и затѣмъ осмотрѣлъ двадцати-четыреохъ-орудійную батарею, которую предназначено было демаскировать по первому знаку.

Медленно поднялась по бурной рѣкѣ флотилія, вооруженная небольшими полевыми пушками, и выстроилась передъ плотиною въ боевую линію; плоскодонныя лодки, собранныя въ сосѣднихъ притокахъ, и ладьи запорожцевъ, прибывшія изъ Измаила, стояли наготовѣ къ принятію войскъ.... Лишь только замерцала утренняя заря, императоръ, сидѣвшій на пушечномъ лафетѣ, всталъ и спокойно—твердымъ голосомъ сказалъ окружающимъ его: „Господа, пора начинать!“ Въ ту же минуту

грянулъ залпъ изъ двадцати четырехъ орудій батареи; флотилія также открыла огонь противъ непріятельскихъ ретраншментовъ.

Съ пронзительнымъ крикомъ бросились турки къ своимъ пушкамъ и стали непрерывно отвѣчать съ своихъ батарей на канонаду, которая была открыта не столько для того, чтобы причинить серьезный вредъ веркамъ непріятеля, сколько съ цѣлю отвлечь его вниманіе. Турки не хотѣли вѣрить, чтобы русскіе, еще наканунѣ неимѣвшіе другихъ транспортныхъ судовъ, кромѣ канонирской флотиліи, были готовы перейти Дунай, ширина котораго увеличилась слишкомъ вдвое вслѣдствіе разлива, и глубокія воды котораго стремились съ быстротою горнаго потока. Но егеря уже сидѣли въ лодкахъ и направлялись къ противоположному берегу; примѣру ихъ послѣдовали запорожскіе казаки, подъ личнымъ предводительствомъ атамана Гладваго. Благодаря искусству управлять своими легкими ладьями, запорожцы первые ступили на вражескую сторону рѣки.

Генералъ-маіоръ Киселевъ, на котораго государь возложилъ успѣшное выполненіе предпріятія, замѣтилъ, что теченіемъ уносило лодки съ войсками къ такому мѣсту, гдѣ невозможно было бы пристать къ берегу. Онъ видѣлъ также затруднительное положеніе запорожцевъ, которые, высадившись на топкомъ болотѣ, не могли тронуться ни впередъ, ни назадъ, а между тѣмъ находились подъ смертоноснымъ огнемъ. Къ счастью, генералъ Киселевъ усмотрѣлъ четырехъ донскихъ казаковъ, которые, наканунѣ вечеромъ, переправились черезъ Дунай и провели ночь на турецкомъ берегу: знаками они звали его къ себѣ. Бросившись въ лодку съ нѣсколькими офицерами, Киселевъ приказалъ править къ другому пункту берега, гдѣ, по его соображеніямъ, можно было пристать удобнѣе; вслѣдъ за Киселевымъ поспѣшилъ генералъ-маіоръ князь Горчаковъ, также съ нѣсколькими офицерами. Всѣ они добрались, подъ градомъ пуль, до отмели, но здѣсь лодки ихъ сѣли. Нѣсколько не смутившись, генералъ Киселевъ пошелъ, по поясъ въ водѣ, къ берегу; по его примѣру и офицеры и солдаты спрыгнули въ трясину, грозившую поглотить ихъ, и, пробираясь между камышемъ и кустарникомъ, кое-какъ достигли твердой почвы и открытаго мѣста, гдѣ могли построиться въ боевой порядокъ. До сихъ поръ ими не было еще сдѣ-

лано ни одного выстрѣла и только штыками отбивались они отъ яростныхъ нападеній турокъ, которые бросались съ изступленными криками.

Императоръ Николай Павловичъ, свидѣтель неимовѣрныхъ усилій своихъ войскъ достигнуть другаго берега и удержаться на немъ, самъ поспѣшилъ къ батарее и приказалъ измѣнить направленіе орудій: выстрѣлы были обращены въ массу турокъ, въ двадцать разъ превышавшихъ числомъ наши войска. Потомъ его величество взошелъ на пригорокъ, чтобы отсюда слѣдить за дѣйствіемъ канонады. Едва государь оставилъ батарею, какъ непріятельскіе снаряды стали ложиться на томъ самомъ мѣстѣ, которое онъ занималъ минуту передъ тѣмъ и откуда, не внимая убѣжденіямъ графа Дибича, не хотѣлъ удалиться.

Въ это мгновеніе генералъ Бенкендорфъ не находился при императорѣ; онъ былъ посланъ принять начальство надъ флотиліей, командиръ которой, капитанъ втораго ранга Панайоти, получилъ, по слухамъ, тяжелую рану. Къ счастью, рана храбраго моряка оказалась не столь значительною: онъ не оставялъ своего поста и привелъ флотилію. Совокупнымъ дѣйствіемъ огня кановирскихъ лодокъ и батареи по непріятельской позиціи, цѣль была достигнута: турки стали отступать къ Исакчѣ. Въ эту самую минуту, восемь нашихъ баталіоновъ высадились съ нѣсколькими орудіями и, не дожидаясь прекращенія огня съ непріятельскихъ батареями, бросились преслѣдовать турокъ, но были остановлены взрывомъ мины, похитившимъ много жертвъ и у насъ, и особенно у турокъ.

Императоръ, не помышляя о личной безопасности, такъ какъ огонь турецкихъ батарей еще продолжался, поспѣшилъ къ берегу рѣки, куда приносили раненыхъ. Нѣкоторые изъ нихъ были страшно изувѣчены дѣйствіемъ мины. Его величество самъ принималъ несчастныхъ съ отеческою заботливостію, подавалъ имъ трогательнѣйшія утѣшенія, старался объ облегченіи ихъ страданій, но, время отъ времени, отворачивался, чтобы скрыть и отереть слезы...

Около одиннадцати часовъ утра, весь противоположный берегъ былъ въ рукахъ русскихъ войскъ; турецкія батареи безмолвствовали; въ редутахъ, наполненныхъ убитыми и умирающими, непріятель оставилъ много пушекъ, мортиръ и гаубицъ и большіе запасы снарядовъ. Крѣпкая позиція эта немедленно

была занята побѣдителями, которые тотчасъ же приступили къ работамъ для вѣщшаго ея усиленія.

Государь приказалъ, между тѣмъ, ускорить наводку моста, который, по слухамъ, не могъ быть готовъ ранѣе двухъ или трехъ дней. Въ ожиданіи перехода всей арміи, войска продолжали переправляться на лодкахъ. Опасались, чтобы турки не возобновили наступленія, съ цѣлю окружить и уничтожить малое число противниковъ прежде чѣмъ корпусъ Рудзевича успѣетъ перейти Дунай, и не могли себѣ объяснить, почему непріятель, дравшійся такъ стойко, отступилъ почти безъ сопротивленія послѣ взрыва мины.

Когда государь увидѣлъ возвратившагося генерала Киселева, мокраго, покрытаго грязью, то еще издали закричалъ ему:

— Мнѣ все извѣстно, генералъ: вы первый переправились и показали путь другимъ.

— „Нѣтъ, ваше величество“—отвѣчалъ съ благородною откровенностію начальникъ штаба второй арміи—„еще вчера, въ полночь, четыре донскихъ казака переплыли въ лодкѣ Дунай и ожидали насъ на другомъ берегу“.

Императоръ отъ души обнялъ генерала Киселева и, въ присутствіи всѣхъ, благодарилъ его въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ. Въ тотъ же день Киселевъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Четыре донца, дѣйствительно прежде всѣхъ ступившіе на турецкій берегъ, получили знаки отличія военнаго ордена и были переведены въ лейбъ-гвардіи казачій полкъ. Атаману запорожцевъ, Гладкому, его величество пожаловалъ чинъ полковника и орденъ св. Георгія 4-й степени и повелѣлъ передать въ его распоряженіе десять знаковъ отличія военнаго ордена. Затѣмъ государь пожелалъ лично узнать о здоровьѣ капитана втораго ранга Панайоти, который, несмотря на рану, не переставалъ командовать флотиліей.

— „Выздоровливайте поскорѣе, господинъ капитанъ *перваго* ранга“—сказалъ императоръ, прикрѣпляя къ груди его орденскій знакъ: —„вы намъ нужны; молодцы, подобные вамъ, встрѣчаются не часто“.

Переправа продолжалась всю ночь, при заревѣ пожара во-кругъ крѣпости Исакчи. Вскорѣ стало извѣстнымъ, что турецкія войска, которыми командовалъ Гассанъ-паша, бросились къ городу съ намѣреніемъ разграбить его, но, не попавъ туда, зажгли предмѣстья и разсѣялись по всѣмъ направленіямъ.

На другой день, 28-го мая, императоръ Николай Павловичъ, нетерпѣливо желавшій лично благодарить свои храбрыя войска и видѣть самый театръ дѣйствій, объявилъ о намѣреніи своемъ переправиться на другой берегъ Дуная и потребовалъ шлюпку атамана запорожцевъ. Гладкій, уже въ полковничьихъ эполетахъ и съ георгіевскимъ крестомъ, немедленно явился съ десятью своими казаками, украшенными знаками отличія военнаго ордена. Трое изъ нихъ хотя и были ранены, однако не хотѣли отказаться отъ чести, имъ предоставленной. Его величество сѣлъ въ лодку съ двумя генералами. Атаманъ сталъ у руля; гребцы взмахнули веслами....

Исторія давно отмѣтила въ своихъ бытописаніяхъ эту истинно-знаменательную черту изъ жизни императора Николая. Могуцественный повелитель обширнѣйшаго въ мірѣ царства ни на минуту не поколебался ввѣрить себя людямъ, которые, за три недѣли передъ тѣмъ, были его врагами.... Глубоко тронутые безпримѣрнымъ знакомъ довѣрія царя Россіи, запорожцы, работая веслами, восклицали въ восторгѣ: „Мы твои, отецъ нашъ! И, не только мы, десятеро, твои, но и всѣ наши товарищи!... Наши души, наша кровь, наша жизнь, все твое!“

При выходѣ на берегъ, его величество былъ встрѣченъ фельдмаршаломъ графомъ Витгенштейномъ и генераль-лейтенантомъ Киселевымъ. Въ сопровожденіи ихъ, государь осмотрѣлъ всѣ позиціи, которыя непріятель занималъ наканунѣ, и еще болѣе удивился быстрому и стойшему такъ мало крови успѣху, одержанному войсками. Въ память этого событія, графъ Витгенштейнъ получилъ въ даръ одно изъ орудій, взятыхъ у турокъ.

Императоръ послалъ сообщить Эюбу-пашѣ, коменданту Исаки, что если онъ согласится сдать на почетныхъ условіяхъ, то можетъ подумать объ этомъ въ продолженіе двадцати-четыре часовъ. Затѣмъ его величество опять сѣлъ въ лодку Гладкаго и возвратился на противоположный берегъ Дуная. И въ этотъ переѣздъ, запорожцы повторяли, вмѣстѣ съ криками „ура!“: „мы твои, отецъ нашъ, твои, твои!“

29-го мая, Эюбъ-паша далъ знать въ главную квартиру, что готовъ сдать крѣпость, но требуетъ отсрочки. Ему отвѣчали, что срокъ, данный императоромъ, истекаетъ завтра, въ десять часовъ утра.

На турецкомъ берегу уже собралось отъ 8,000 до 10,000

человѣкъ. Работы надъ наводкою моста приходили къ концу и съ часу на часъ ожидалось, что можно будетъ перевезти осадную артилерію и продовольственные запасы прежде переправы остальныхъ войскъ. Императоръ уже приказалъ перемѣстить свою палатку на другой берегъ Дуная, и лагерь при Сатуновѣ, предназначенный къ скорому снятію, долженъ былъ послѣдовать за главною императорскою квартирою подъ стѣны Исакчи. Въ арміи сомнѣвались однако, чтобы эта крѣпость отворила ворота, не оказавъ, по крайней мѣрѣ, мнимаго сопротивления: гарнизонъ ея былъ многочисленъ и состоялъ изъ отборныхъ войскъ; комендантъ Эюбъ-паша не имѣлъ недостатка ни въ мужествѣ, ни въ военныхъ способностяхъ; рѣшимость его могъ поддерживать Гассанъ-паша, удалившійся въ Исакчу послѣ разброда турецкой пѣхоты при переправѣ русскихъ войскъ за Дунай.

30-го мая двѣ дивизіи получили приказаніе обложить городъ и выдвинуть передовые посты какъ можно ближе къ стѣнамъ, которыя, повидимому, были покинуты, потому что лишь кое-гдѣ показывались турецкія чалмы и при орудіяхъ не было замѣтно канонировъ. Въ то время, когда государь объѣзжалъ цѣпь аванпостовъ, явились два парламентаря съ извѣстіемъ, что комендантъ соглашается на условія, каквы бы они ни были, и готовъ вручить его величеству ключи крѣпости. Капитуляція была подписана два дня спустя; гарнизонъ получилъ позволеніе выйти съ оружіемъ, оставивъ однако весь военный матеріалъ. Оба паша, избавленные отъ всякаго унижительнаго обѣщанія, пожелали быть представленными императору. Августѣйшій побѣдитель принялъ ихъ милостиво и сказалъ:

— Благодарю васъ, что вы не допустили меня до необходимости начать медленную осаду: мнѣ нужна эта крѣпость для учрежденія въ ней, по причинѣ ея здороваго мѣстоположенія, депо моихъ раненыхъ.

Исакча могла бы продержаться мѣсяца два и болѣе. Въ ней найдено было 85 орудій, 18 знаменъ и огромные запасы военныхъ снарядовъ и продовольствія. Жители города, избавленные отъ бѣдствій осады, съ радостію встрѣтили русскія войска, введенныя въ городъ обоими пашами; всѣ лавки оставались открытыми.

Эюбъ и Гассанъ, сдавшіе крѣпость по просьбѣ городского

населенія, возвратились въ Константинополь, гдѣ султанъ приказалъ отрубить имъ голову.

XIX.

Осада Браилова и Анапы.—Вступленіе войскъ въ Добруджу.—Прибытіе императора въ Бабадагъ.—Депутація отъ некрасовцевъ.

Осада Анапы и Браилова подвигалась впередъ медленно, по причинѣ многихъ непредвидѣнныхъ затрудненій; но императоръ не хотѣлъ возвращаться подъ стѣны Браилова, желая предоставить своему младшему брату всю честь перваго военнаго предпріятія, которымъ руководилъ великій князь Михаилъ въ качествѣ генералъ-фельдцейхмейстера и генералъ-инспектора по инженерной части.

По отъѣздѣ государя, великій князь дѣйствительно одинъ распоряжался всѣми частями атаки. Онъ вызвалъ изъ Измаила флотилію, чтобы пресѣчь сообщенія между крѣпостію и противоположнымъ берегомъ Дуная и истребить, если возможно, турецкія канонирскія лодки, огонь которыхъ тревожилъ осадныя работы. Флотилія, подъ начальствомъ капитана 1-го ранга Завадовскаго, пришла въ то время, когда осаждающіе приступали къ открытію третьей параллели и когда бомба, брошенная въ крѣпость, взорвала тамъ пороховой погребъ: 800 человекъ сдѣлали вылазку противъ одной изъ батарей лѣваго фланга, но двѣ роты егерей, подъ командою маіора Гусева, отбросили турокъ штыками. Между тѣмъ, сапа съ каждымъ днемъ приближалась къ стѣнамъ, и въ ночь на 26-е мая достигла рва, чего не замѣтили осажденные, потому что принуждены были отвѣчать на непрерывный огонь съ фронта атаки. Хотя половина турецкихъ орудій была уже подбита и большая часть артиллеристовъ перебита или переранена, однако въ сопротивленіи гарнизона не замѣчалось ни малѣйшаго колебанія. Паша Солиманъ, начальствовавшій въ Браиловѣ, былъ человекъ непреклоннаго характера и рѣдкаго мужества: надлежало ожидать, что онъ будетъ обороняться до послѣдней крайности. Едва потушили огонь въ одномъ бастионѣ, какъ новыя пушки и новыя канониры явились, будто по мановенію волшебнаго жезла, въ амбразурахъ полуразрушеннаго форта и неутомимо стали осыпать градомъ картечи и ядеръ русскія батареи, на

которыхъ осадный корпусъ терялъ много людей, особенно артиллеристовъ и саперовъ.

Великій князь Михайлъ, со времени прибытія своего въ блокадный лагерь, подвергался, на ряду съ послѣднимъ солдатомъ, всѣмъ опасностямъ, всѣмъ случайностямъ войны; онъ не только наблюдалъ лично за работами, производившимися передъ фронтомъ атаки, но посѣщалъ днемъ и ночью, подъ неприятельскимъ огнемъ, траншеи, гдѣ не разъ возлѣ него падали убитые и раненые, ободрялъ всѣхъ своимъ хладнокровіемъ и веселостію, и заботливо ухаживалъ за ранеными.

Въ продолженіе нѣсколькихъ дней, противные вѣтры препятствовали нашей флотиліи содѣйствовать осаждающимъ; но наконецъ ей удалось прервать вполнѣ сообщенія между крѣпостію и правымъ берегомъ Дуная, а 28-го мая она истребила часть турецкой флотиліи и съ этихъ поръ одна господствовала надъ рѣкою.

Оставалось только пробить брешь и затѣмъ предпринять приступъ. Три мины были заложены съ успѣхомъ подъ тремя бастионами, обращенными къ фронту атаки; одновременное взорваніе ихъ должно было послѣдовать въ тотъ моментъ, когда войска бросятся изъ траншей къ бреши. Но прежде чѣмъ рѣшиться на приступъ, великій князь неоднократно приглашалъ пашу Солимана принять почетную капитуляцію, и всякій разъ получалъ отрицательный отвѣтъ. Гарнизонъ уже нѣсколько дней сряду готовился къ отраженію общей атаки, хотя и не зналъ о существованіи трехъ минъ.

Въ ночь на 3-е іюня сдѣланы были послѣднія распоряженія въ присутствіи великаго князя, который, при обходѣ траншей, спускался на дно минныхъ галерей, чтобы убѣдиться въ окончаніи всѣхъ приготовительныхъ къ приступу мѣръ. Бригады генералъ-маіоровъ Людинггаузена-Вольфа и Тимрота были назначены двинуться колоннами, раздѣленными на четыре эшелона, лишь только брешь будутъ открыты.

Въ девять часовъ утра батареи вдругъ умолкли; наступилъ моментъ тишины и ожиданія; затѣмъ три ракеты, залетѣвшія послѣдовательно, послужили сигналомъ ко взрыву минъ. Только двѣ мины были взорваны почти разомъ; третья же, центральная, долженствовала дополнить дѣйствіе двухъ другихъ, не воспламенилась, потому что офицеръ, который долженъ былъ зажечь ее, былъ погребенъ подъ грудами земли. Поднявшіеся въ

воздухъ столбы дыма и пыли не позволили рассмотреть удобо-проходима ли брешь. Охотники колонны, удостоившіеся чести первыми идти на приступъ, подбѣжали къ бреши втораго ба-стіона, но очутились передъ совершенно неприступнымъ от-косомъ вала. Мина обрушила лишь нѣсколько частей стѣны, вправо отъ пункта атаки; слѣва, насыпь контръ-эскарпа хотя и осыпалась, однако наполнила собою не весь ровъ; въ центръ же валы имѣли только ту брешь, которая была произведе-на канонадой. Такимъ образомъ явилась положительная не-возможность добраться, безъ лѣстницъ, до вершины укрѣплен-ной ограды, а именно необходимость въ лѣстницахъ и не была предусмотрѣна. Тѣмъ не менѣе штурмующія колонны, предво-димыя генералами и офицерами, пытались подняться на ту часть вала, гдѣ брешь казалась болѣе доступною. 120 охотни-ковъ, появившіеся войдти въ крѣпость, успѣли взобраться на платформу и пролѣзть чрезъ амбразуры; но какъ не было воз-можности поддержать ихъ, то всѣ они погибли, за исключе-ніемъ одного унтеръ-офицера, который успѣлъ спастись, бро-сившись въ Дунай.

Въ то время, когда штурмующіе употребляли геройскія уси-лія, чтобы достигнуть до непріятеля и схватиться въ рукопаш-ную, турки заняли вершину бастіоновъ и куртинъ и оттуда разстрѣливали, въ упоръ, горсть офицеровъ и солдатъ, оста-новленныхъ неодолимою преградю.... Великій князь приказалъ ударить отбой. Баталіоны, принужденные съ сожалѣніемъ отка-заться отъ атаки, въ которой вся ихъ храбрость была бы на-прасна, выстроились подъ навѣснымъ огнемъ пушекъ цитадели и возвратились въ траншеи, подобравъ своихъ раненыхъ и уби-тыхъ. 640 рядовыхъ и унтеръ-офицеровъ были убиты; число раненыхъ простиралось до 1,400, между которыми находились генераль-маіоры Людингсгаузенъ-Вольфъ и Тимротъ, на другой день умершіе отъ ранъ, генераль-маіоръ Степановъ, 16 штабъ и 75 оберъ-офицеровъ.

Осажденные привѣтствовали радостными криками отступле-ніе штурмовыхъ колоннъ; они направили противъ нихъ весь свой огонь, и произвели шесть послѣдовательныхъ вылазокъ, чтобы уничтожить баталіоны, тѣснившіеся у входа въ третью параллель, и проникнуть до плацдарма; но всякій разъ были отражаемы, съ большимъ урономъ, пѣхотнымъ Казанскимъ пол-

комъ, которымъ командовалъ неустрашимый генералъ-маіоръ Полешко.

— „Ребята, приготовьтесь къ завтрашнему дню“—сказалъ великій князь Михаилъ войскамъ, огорченнымъ неудачею.—„Вы сдѣлали все, что можно было сдѣлать, и я благодарю васъ; но завтра я поведу васъ самъ и мы возьмемъ свое“.

Осада Анапы, по послѣднимъ извѣстіямъ, полученнымъ императоромъ, также еще не приближалась къ концу. 18-го мая осаждающіе отразили общую вылазку гарнизона, поддержанную нѣсколькими тысячами горцевъ. Между тѣмъ эскадра потопила три судна изъ десяти, стоявшихъ на якорѣ подъ пушками крѣпости; еще три судна были взяты на бордажъ, въ ночь на 20-е мая, канонирскими лодками и уведены на рейдъ. Послѣ этого осадныя работы уже не прерывались, несмотря на отчаянную попытку горцевъ (28-го мая) принудить осаждающихъ отказаться отъ предпріятія. 4,000 или 5,000 конныхъ горцевъ угрожали охватить подвижную колонну, охранявшую лагерь осаждающихъ; въ то же время 1,500 человекъ гарнизона сдѣлали вылазку и бросились на фронтъ атаки князя Меншикова, но искуснымъ маневромъ туркамъ былъ отрѣзанъ путь отступленія: принятые въ штыки и отброшенные къ морю, гдѣ ихъ встрѣтилъ огонь канонирокъ, они побѣжали черезъ горы и уже не могли попасть въ крѣпость. Горцы же были отбиты и преслѣдуемы пѣхотою. Послѣ этой рѣшительной побѣды, князь Меншиковъ dokonчилъ сильную циркумвалаціонную линію, которая упиралась однимъ изъ своихъ фланговъ въ морской берегъ и шла черезъ мысъ, гдѣ расположенъ городъ Анапа. Работы, предстоявшія къ исполненію для того, чтобы подвинуть апроши къ гласису, могли отнынѣ продолжаться безпрепятственно, потому что нечего было опасаться нападенія въ тылу позиціи.

Осажденные противопоставляли лишь безсильную ружейную пальбу правильному ходу траншей; правда, они дѣйствовали и изъ орудій, но пушки ихъ были почти тотчасъ же подбиваемы съ осадныхъ батарей. Въ двухъ бастіонахъ и въ куртінѣ, т. е. въ назначенныхъ для штурма пунктахъ, уже была пробита широкая брешь; съ своей стороны, эскадра вице-адмирала Грейга продолжала бросать въ крѣпость бомбы. Однако гарнизонъ, состоявшій еще изъ слишкомъ 3,000 человекъ, не обнаруживалъ

готовности сдаться, ожидая сильной диверсии со стороны турецкаго флота, при нападении его на русскую эскадру.

Въ Европейской Турціи, послѣ капитуляціи Исакчи, куда императоръ приказалъ перемѣстить раненыхъ и больныхъ, въ это время еще не многочисленныхъ, третій пѣхотный корпусъ немедленно началъ свое движеніе въ Добруджу, направивъ авангардъ на Бабадагъ, въ окрестностяхъ Кюстенджи, а три дивизіи (генераловъ Бартоломея, Ушакова и князя Мадатова) имѣли назначеніемъ обложить Тульчу, Мачинъ и Гирсову. Турецкая армія, отступая, оставляла подкрѣпленія во всѣхъ крѣпостяхъ Добруджи и, повидимому, не имѣла въ виду дѣйствовать въ этомъ пустынномъ краѣ, орошаемомъ рѣчками, перерѣзанномъ болотами, глубокими въ дождливое время, смертоносными по своимъ испареніямъ въ лѣтніе жары. Для русской же арміи было необходимо упрочить за собою прежде всего обладаніе полосою, тянущеюся между Дунаемъ и моремъ, начиная отъ Рассовы, гдѣ рѣка, вдругъ сѣзвившись, направляется съ юга на сѣверъ, до Браилова; отсюда Дунай вновь принимаетъ, вмѣстѣ со своею шириною, естественное теченіе съ запада на востокъ и пятью устьями впадаетъ въ Черное море. Мѣстность оборонялась не одними укрѣпленными городами: она, кромѣ крѣпостей, какъ бы защищала сама себя своею вѣчною нездоровостию, и турки больше всего разсчитывали на этого грознаго союзника. Занять Добруджу, гнѣздо эпидемическихъ болѣзней, было неизбѣжно потому, что иначе нельзя было опереться на содѣйствіе черноморскаго флота и поставить, въ случаѣ нужды, третій корпусъ въ прямую связь съ седьмымъ корпусомъ, осаждавшимъ Браиловъ, и съ шестымъ, расположеннымъ въ центрѣ Валахіи, до передвиженія его на верхній Дунай.

Этотъ операціонный планъ былъ выполненъ столько же энергически, сколько быстро.

Утромъ, 31-го мая, главная императорская квартира была перенесена подъ стѣны Исакчи; между тѣмъ войска третьяго корпуса, находившіяся еще на лѣвомъ берегу Дуная, переправились, съ артилеріей и обозомъ, по постоянному мосту, наведенному для безопаснаго и удобнаго сообщенія между обоими берегами на все время войны. Когда государь прибылъ въ свой новый лагерь, тамъ уже дожидалась депутація молдаванъ, жившихъ въ окрестностяхъ монастыря св. Николая. Они встрѣ-

тели его величество съ хлѣбомъ и солью, были приняты милостиво и успокоены приказаніемъ относительно безопасности монастыря и окрестнаго населенія. Вслѣдъ затѣмъ императору былъ представленъ одинъ изъ тѣхъ молодыхъ французскихъ офицеровъ, которые, въ видѣ особенной милости, получали дозволеніе служить волонтерами въ русской дѣйствующей арміи. Это былъ маркизъ де-ла Рошжакленъ, который удостоился приѣма императорскою фамиліей въ С.-Петербургѣ еще предъ отъѣздомъ государя. Потомокъ доблестныхъ рыцарей овладѣлъ непріятельскимъ знаменемъ въ стычкѣ, которую имѣлъ наканунѣ отрядъ генераль-лейтенанта Ридигера съ турецкимъ отрядомъ, поспѣшно отступившимъ по вюстенджійской дорогѣ на Черноводы. Когда молодой маркизъ повергнулъ знамя предъ императоромъ, его величество сказалъ:

— Господинъ маркизъ, благодарю васъ за то, что вы желали служить мнѣ такъ, какъ служили бы брату моему, королю Карлу; но берегите себя, не рискуйте собою, какъ-будто у васъ десять жизней; вспомните, что я почти отвѣтственъ за вашу жизнь и передъ вашимъ государемъ, и передъ вашимъ отечествомъ. Будьте всегда такъ же храбры, но умѣрьте вашу отвагу.

На другой день, императоръ отправился въ дальнѣйшій путь къ Бабадагу. Онъ ѣхалъ верхомъ, въ главѣ колонны, сопровождаемый генераломъ Бенкендорфомъ и лицами своего штаба. Хотя еще наканунѣ начался мелкій, упорный дождь, но воздухъ нисколько не освѣжился; температура сдѣлалась напротивъ удушливою, когда лучи знойнаго солнца проникли во влажную атмосферу. Не обращая на это вниманія, государь продолжалъ разговаривать съ Бенкендорфомъ; всѣ же, слѣдовавшіе за его величествомъ, томились жаждою, страдали отъ жары и усталости; никто впрочемъ не позволялъ себѣ жаловаться, видя, что монархъ подаетъ собою примѣръ ничѣмъ непоколебимой твердости. Встрѣчавшіяся на пути деревни были покинуты жителями. Нѣкоторые крестьяне, найденные казаками въ лѣсу, рассказывали, что Гассанъ-паша, запершись въ Исакчѣ, разослалъ по всей Добруджѣ конныя команды съ тѣмъ, чтобы принуждать населеніе, и христіанское и магометанское, бросать жилища со скотомъ и съ пожитками. Облака дыма, поднимавшіяся вдали на всѣхъ точкахъ горизонта, показывали, что турки жгли всѣ жилия мѣста. Императоръ проѣхалъ, не

встрѣтивъ, непріятеля, длинное дефиле, тянущееся между лѣсомъ и горами до деревни Фригаче-Дире, гдѣ не было ни одной живой души. Здѣсь онъ приказалъ расположить свой лагерь на сосѣдней высотѣ и провелъ въ немъ ночь. На разсвѣтъ, 2-го іюня, государь продолжалъ путь, слѣдуя въ недалекомъ разстояніи за корпусомъ Рудзевича.

Генералъ Рудзевичъ полагалъ встрѣтить сопротивленіе въ Бабадагѣ, гдѣ находились турецкія войска; но турки ушли, гоня передъ собою жителей этого города, уцѣлѣвшаго отъ пожара. Рудаевичъ остановился здѣсь со своимъ авангардомъ въ ожиданіи императора, главную квартиру котораго назначено было перенести сюда. Бабадагъ, небольшой открытый городъ, окруженный горами, представлялъ живописный видъ посреди богатой растительности, но внутри его царствовало запустѣніе. Только одна огромная квадратная казарма, недавно построенная для полка регулярныхъ войскъ, могла быть превращена въ удобный лазаретъ.

Передъ прибытіемъ въ Бабадагъ, императоръ получилъ извѣстіе, что депутаты отъ казаковъ-некрасовцевъ просятъ позволенія поднести хлѣбъ-соль и молятъ его величество о прощеніи. Извѣстно, что некрасовцы выселились въ Турцію вслѣдствіе возмущенія, произведеннаго донскимъ казакомъ Кондратомъ Булавинымъ. Живя съ тѣхъ поръ въ Болгаріи, они, какъ раскольники, ненавидѣли православныхъ, и всякій разъ, когда войска наши дѣйствовали въ предѣлахъ Турціи, ожесточенно вредили имъ засадами, убійствами въ лѣсахъ и тысячами всякихъ злобныхъ умысловъ. Возвратиться на Донъ, колыбель своихъ предковъ, суровые сектанты до сихъ поръ не желали, и только милосердіе императора къ запорожцамъ, ихъ сосѣдямъ и соперникамъ, пробудило въ некрасовцахъ любовь къ родинѣ. Депутаты бросились къ ногамъ его величества, умоляли принять ихъ въ подданство и вызывались воевать противъ турокъ.

Государь принялъ повѣренныхъ некрасовцевъ ласково, но имѣлъ уважительныя причины не довѣрять имъ вполне. Онъ обѣщалъ, впрочемъ, водворить выходцевъ вновь на берегахъ Дона, по окончаніи войны. Некрасовцы не возвратились однако въ Россію: они владѣли въ Болгаріи обширными и богатыми селеніями, хорошо обработанными землями, пользовались полною религиозною свободою, жили по старинѣ и соединены были съ новымъ

отечествомъ узами родства. Тѣмъ не менѣе вѣсть о прощеніи, дарованномъ царемъ потомкамъ соумышленниковъ Некрасова, привлекла въ императорскую квартиру новыхъ депутатовъ съ хлѣбомъ-солью и съ просьбами о помилованіи. Нѣкоторые изъ нихъ, желая доказать свою преданность дѣлу русскихъ, привели въ лагерь захваченныхъ ими турецкихъ гонцовъ, возвратившихся съ депешами изъ Мачина въ Шумлу. Изъ этихъ-то депешъ сдѣлалось извѣстнымъ, что крѣпости Мачинъ, Тульча и Гирсова, одновременно обложенныя генералами Бартоломеемъ, Ушаковымъ и Мадатовымъ, не продержатся долго послѣ ожидаемаго паденія Браилова, если не получатъ помощи. Рассчитывать же имъ на помощь было нельзя, потому что, согласно плану кампаніи, турки имѣли въ виду защищать только линію Балкановъ и направить всѣ свои силы на Силистрію, Варну и Шумлу—три крѣпости, которыя считались неодолимыми, или, по крайней мѣрѣ, могли задержать на многія мѣсяцы наступательное движеніе русской арміи.

(Продолженіе будетъ.)